Jamiyat va boshqaruv

Общество и управление / Society and Administration

2026/2(112)

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
PREZIDENTI HUZURIDAGI
DAVLAT SIYOSATI VA BOSHQARUVI
AKADEMIYASI

doi

Crossref
Content
Registration

Toshkent – 2026

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
PREZIDENTI HUZURIDAGI
DAVLAT SIYOSATI VA BOSHQARUVI
AKADEMIYASI

JAMIYAT VA BOSHQARUV

Общество и управление / Society and Administration

2026/2(112)

1997-yildan nashr etiladi

ISSN: 2181-7340
E-ISSN: 3093-9208

Toshkent – 2026

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Феруза МИРУКТАМОВА,
доцент, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, Ташкентский государственный юридический университет.

Аннотация: в статье исследуется трансформация международно-правовой модели защиты прав детей в условиях цифровизации. На основе анализа универсальных и региональных международно-правовых актов, документов Организации Объединённых Наций, Совета Европы и Европейского союза, а также современной научной доктрины раскрывается эволюция цифровых рисков, влияющих на реализацию прав ребёнка. Обосновано, что современные цифровые угрозы различаются не только по содержанию, но и по механизму возникновения, что предопределяет изменение объекта международно-правового регулирования. Выявлено, что развитие международного права характеризуется последовательным переходом от регулирования цифрового контента и поведения участников цифровых отношений к регулированию архитектуры цифровой среды, алгоритмических систем и цифровых платформ как самостоятельных факторов реализации прав ребёнка. Сделан вывод о том, что трансформация объекта международно-правовой защиты обусловливает необходимость формирования новых международно-правовых подходов к обеспечению прав детей в цифровую эпоху.

Ключевые слова: *права ребёнка, цифровое пространство, международное право, цифровые риски, цифровая среда, международно-правовая защита, GDPR, Digital Services Act, General Comment No. 25, цифровые платформы.*

Raqamli muhitda bolalar huquqlarini xalqaro-huquqiy himoya qilish modelining transformatsiyasi: zamonaviy chaqiriqlar va yangi yondashuvlar

Feruza Miruktamova,
Toshkent davlat yuridik universiteti yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD), dotsent.

Annotatsiya: mazkur maqolada raqam-

lashtirish sharoitida bolalar huquqlarini xalqaro-huquqiy himoya qilish modeli transformatsiyasi tadqiq etilgan. Birlashgan Millatlar Tashkiloti, Yevropa Kengashi va Yevropa Ittifoqining universal hamda mintaqaviy xalqaro-huquqiy hujjatlari, shuningdek, zamonaviy ilmiy doktrina tahlili asosida bolalar huquqlarining amalga oshirilishiga ta'sir etuvchi raqamli xavf-xatarlar evolyutsiyasi ochib berilgan. Zamonaviy raqamli tahdidlar nafaqat mazmuni, balki yuzaga kelish mexanizmi jihatidan ham farq qilishi, bu esa xalqaro-huquqiy tartibga solish obyektining o'zgarishiga olib kelishi ilmiy jihatdan asoslangan. Xalqaro huquqning rivojlanishi raqamli kontent va raqamli munosabatlar ishtirokchilari xulq-atvorini tartibga solishdan raqamli muhit arxitekturasi, algoritmik tizimlar hamda raqamli platformalarni bolalar huquqlarini amalga oshirishga ta'sir etuvchi mustaqil omillar sifatida huquqiy tartibga solishga bosqichma-bosqich o'tish bilan tavsiflanishi aniqlangan. Xalqaro-huquqiy himoya obyektining transformatsiyasi raqamli davrda bolalar huquqlarini ta'minlashga qaratilgan yangi xalqaro-huquqiy yondashuvlarni shakllantirish zaruratini taqozo etishi haqida xulosa qilingan.

Kalit so'zlar: bola huquqlari, raqamli muhit, xalqaro huquq, raqamli xavf-xatarlar, xalqaro-huquqiy himoya, GDPR,Digital Services Act, General Comment No. 25, raqamli platformalar, algoritmik tizimlar.

Transforming the international legal model for the protection of children's rights in the digital environment: contemporary challenges and new approaches.

Feruza Miruktamova,
Associate Professor, PhD
Tashkent State University of Law.

Abstract: this article examines the transformation of the international legal model for the protection of children's rights in the context of digitalization. Based on an analysis of universal and regional international legal instruments, documents of the United Nations, the Council of Europe, and the European Union, as well as contemporary legal scholarship, the study explores the evolution of digital risks affecting the realization of children's rights. It argues that contemporary digital threats differ not only in their content but also in their mechanisms of emergence, thereby transforming the object of international legal regulation. The article demonstrates that the development of international law is characterized by a gradual shift from regulating digital content and the conduct of participants in digital relations toward regulating the architecture of the digital environment, algorithmic systems, and digital platforms as independent factors influencing the realization of children's rights. It concludes that the transformation of the object of international legal protection necessitates the development of new international legal approaches to ensuring children's rights in the digital age.

Keywords: children's rights; digital environment; international law; digital risks; international legal protection; GDPR; Digital Services Act; General Comment No. 25; digital platforms; algorithmic systems.

Стремительное развитие цифровых технологий стало одним из наиболее значимых факторов трансформации современного международного права прав человека. Цифровая среда перестала быть исключительно пространством обмена информацией и превратилась в самостоятельную сферу реализации

широкого спектра прав и свобод человека, включая права ребенка. Одновременно цифровизация обусловила возникновение новых форм угроз, связанных с обработкой персональных данных, функционированием алгоритмических систем, деятельностью цифровых платформ, распространением противоправного контента и использованием технологий искусственного интеллекта. В результате обеспечение прав ребенка в цифровом пространстве становится одним из наиболее динамично развивающихся направлений международно-правового регулирования.

Международное сообщество последовательно реагирует на указанные изменения посредством формирования новых универсальных и региональных стандартов защиты прав ребенка. Существенное влияние на развитие соответствующего правового регулирования оказали Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года, Замечание общего порядка № 25 Комитета ООН по правам ребенка (2021), Конвенция Совета Европы 108+, Общий регламент Европейского союза по защите данных (GDPR),Digital Services Act и другие международные акты, ориентированные на обеспечение безопасной цифровой среды для детей. Однако развитие нормативной базы сопровождается существенными изменениями самой логики международно-правовой защиты прав ребенка.

Несмотря на значительное количество научных исследований, посвященных цифровым правам ребенка, большинство из них сосредоточено либо на анализе отдельных цифровых рисков, либо на характеристике международных стандартов их защиты. В значительно меньшей степени исследован вопрос о том, каким образом цифровая трансформация изменила саму международно-правовую модель защиты прав ребенка и повлияла на развитие новых концептуальных подходов к регулированию цифровой среды. Именно восполнение данного пробела составляет основную исследовательскую задачу настоящей статьи.

В отличие от большинства существующих исследований, в настоящей статье международно-правовая защита прав ребёнка рассматривается не только через развитие международных стандартов, но и через трансформацию самого объекта международно-правового регулирования, которым постепенно становится цифровая среда как самостоятельный фактор реализации прав ребёнка.

Автор исходит из того, что цифровая трансформация обусловила качественное изменение международно-правовой модели защиты прав детей, вследствие чего объектом международно-правового регулирования постепенно становится не только поведение государств и иных субъектов права, но и сама цифровая среда, определяющая условия реализации прав ребёнка.

Целью исследования является выявление закономерностей трансформации международно-правовой модели защиты прав детей в условиях цифровизации посредством анализа современных цифровых рисков, доктринальных противоречий и новых концептуальных подходов международного права.

Представляется, что современные угрозы правам ребёнка в цифровом

пространстве не являются однородными по своей юридической природе. Если традиционная международно-правовая доктрина рассматривала большинство нарушений прав ребёнка как результат противоправного поведения конкретных субъектов, то цифровая трансформация обусловила возникновение качественно новой категории угроз, связанных не только с действиями пользователей, но и с особенностями функционирования самой цифровой среды. Вследствие этого современные цифровые риски требуют не только классификации, но и разграничения по механизму возникновения, поскольку именно данный критерий определяет выбор соответствующих международно-правовых средств защиты.

Современные цифровые риски как фактор трансформации международно-правовой защиты прав детей.

Развитие цифровых технологий обусловило не только появление новых угроз правам ребёнка, но и качественное изменение механизма их возникновения. Если в традиционной социальной среде нарушение прав ребёнка, как правило, являлось следствием противоправного поведения конкретного лица, то в цифровом пространстве значительная часть угроз возникает вследствие функционирования цифровых платформ, алгоритмических систем, технологий обработки данных и иных элементов цифровой инфраструктуры. В результате международно-правовая защита ребёнка сталкивается с принципиально новой ситуацией, при которой нарушение прав несовершеннолетнего всё чаще обусловлено не отдельным противоправным действием, а особенностями самой цифровой среды [1].

Анализ показывает, что современные цифровые риски не являются однородными по своей юридической природе. Их различие определяется не только содержанием угроз, но и механизмом их возникновения, кругом субъектов, вовлечённых в нарушение прав ребёнка, а также объектом международно-правового воздействия. Именно поэтому анализ цифровых рисков целесообразно осуществлять не исключительно посредством их традиционной классификации, а через исследование того, каким образом каждый вид угроз отражает постепенную трансформацию международно-правовой модели защиты прав ребёнка в условиях цифровизации [2].

С научной точки зрения такой подход имеет принципиальное значение. Традиционные классификации цифровых рисков преимущественно описывают виды существующих угроз, однако в меньшей степени раскрывают причины их возникновения и особенности международно-правового регулирования. Между тем именно механизм возникновения риска предопределяет выбор соответствующих правовых средств защиты. В связи с этим представляется обоснованным рассматривать современные цифровые риски как последовательные уровни усложнения механизма нарушения прав ребёнка — от распространения противоправной информации и неправомерного поведения отдельных субъектов до воздействия самой архитектуры цифровой среды на процесс реализации прав несовершеннолетних.

Подобный подход позволяет проследить эволюцию международно-правовой защиты прав ребёнка в цифровую эпоху и выявить закономерности её дальнейшего развития [3].

Исходя из предложенного подхода, современные риски правам ребёнка в цифровом пространстве могут быть классифицированы в зависимости от механизма возникновения угроз и объекта международно-правового воздействия. Подобная классификация позволяет не только систематизировать существующие цифровые угрозы, но и проследить постепенное усложнение международно-правовых механизмов их предупреждения. В этой связи представляется целесообразным последовательно рассмотреть контентные, контактные, поведенческие и структурные риски, каждый из которых отражает самостоятельный этап трансформации международно-правовой защиты прав ребёнка в цифровой среде.

Первую группу образуют контентные риски, возникающие вследствие распространения в цифровой среде информации, способной причинить вред физическому, психическому, нравственному либо социальному развитию ребёнка. К числу таких угроз относятся материалы сексуального характера, сцены насилия, экстремистский и террористический контент, пропаганда саморазрушающего поведения, дезинформация, а также иные виды информации, распространение которых способно нарушить права и законные интересы несовершеннолетних. Особую опасность представляет цифровой контент, связанный с сексуальной эксплуатацией детей, который в силу трансграничного характера сети Интернет распространяется значительно быстрее, чем традиционные формы противоправной информации [4].

С международно-правовой точки зрения контентные риски являются исторически первой категорией цифровых угроз, получившей самостоятельное нормативное регулирование. Это объясняется тем, что первоначально цифровая среда воспринималась преимущественно как новый канал распространения информации, вследствие чего международные механизмы защиты были ориентированы прежде всего на ограничение доступа детей к противоправному контенту. Именно поэтому первые международные документы в данной сфере концентрировались главным образом на обязанностях государств по криминализации отдельных видов цифрового контента, международному сотрудничеству в борьбе с онлайн-эксплуатацией детей и развитию механизмов фильтрации информации [5].

Вместе с тем современная международно-правовая доктрина постепенно отказывается от исключительно ограничительного понимания защиты ребёнка от вредной информации. Как подчёркивается в Замечании общего порядка № 25 Комитета ООН по правам ребёнка, обеспечение безо-пасности несовершеннолетних не должно приводить к необоснованному ограничению их права на доступ к информации, свободное выражение мнения и участие в цифро-вой жизни. Следовательно, международно-правовая защита должна обеспечивать разумный баланс между необходимостью ограничения

действительно опасного контента и сохранением цифровых прав ребёнка как самостоятельной международно-правовой ценности [6].

Таким образом, анализ контентных рисков свидетельствует, что на данном этапе объектом международно-правового регулирования выступает прежде всего сама распространяемая информация. Основная задача государства заключается в предупреждении доступа детей к противоправному цифровому контенту посредством установления соответствующих международно-правовых запретов и механизмов сотрудничества. Однако по мере развития цифровых технологий стало очевидно, что угрозы правам ребёнка возникают не только вследствие содержания информации, но и в результате взаимодействия несовершеннолетних с другими пользователями цифровой среды. Именно это обусловило выделение следующей группы угроз —контактных рисков.

Вторую группу образуют контактные риски, возникающие в процессе взаимодействия ребёнка с другими пользователями цифровой среды. В отличие от контентных рисков, где источником угрозы выступает распространяемая информация, в данном случае нарушение прав ребёнка обусловлено цифровой коммуникацией между несовершеннолетним и иными субъектами. К наиболее распространённым формам подобных угроз относятся онлайн-груминг, сексуальная эксплуатация, шантаж, торговля детьми, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, а также различные формы психологического воздействия посредством цифровых средств связи. [7].

С международно-правовой точки зрения выделение контактных рисков стало закономерным этапом развития механизмов защиты прав ребёнка. По мере расширения социальных сетей, мессенджеров и иных интерактивных цифровых сервисов стало очевидно, что опасность представляет не только содержание распространяемой информации, но и сами формы цифрового взаимодействия между пользователями. Если контентные риски предполагали необходимость ограничения доступа к противоправной информации, то контактные риски потребовали разработки международно-правовых механизмов предупреждения противоправного поведения в цифровой среде [8]. Особое значение в данной сфере приобрели позитивные обязательства государств по предупреждению онлайн-груминга, сексуальной эксплуатации детей и иных форм цифрового насилия. В современной международно-правовой практике обеспечение защиты несовершеннолетних уже не ограничивается уголовно-правовым преследованием виновных лиц после совершения преступления. На первый план выходит создание комплексной системы профилактики, включающей международное сотрудничество право-охранительных органов, развитие механизмов выявления потенциальных угроз, повышение цифровой грамотности детей и родителей, а также установление обязанностей цифровых платформ по своевременному выявлению противоправной активности пользователей [9].

Следует отметить, что именно анализ контактных рисков впервые поставил вопрос о перераспределении ответствен-

ности между государством и частными субъектами цифровой экономики. Если традиционная международно-правовая модель практически полностью возлагала обязанность по защите ребёнка на государство, то современная практика всё чаще исходит из необходимости участия операторов цифровых платформ, социальных сетей и иных поставщиков цифровых услуг в предупреждении нарушений прав несовершеннолетних. Тем самым международно-правовая защита постепенно выходит за рамки исключительно публично-правового регулирования и распространяется на деятельность частных цифровых акторов [10].

Вместе с тем контактные риски также не позволяют в полной мере объяснить современные механизмы нарушения прав ребёнка. Даже при отсутствии противоправного контента и противоправного поведения отдельных пользователей цифровая среда способна оказывать самостоятельное воздействие на формирование личности несовершеннолетнего посредством алгоритмов рекомендаций, механизмов персонализации и иных технологий цифрового воздействия. Именно данное обстоятельство обусловило выделение следующей группы угроз — поведенческих рисков.

Третью группу образуют поведенческие риски, возникающие вследствие воздействия цифровой среды на формирование поведения, мировоззрения и психоэмоционального состояния ребёнка. К ним относятся кибербуллинг, интернет-зависимость, вовлечение несовершеннолетних в деструктивные онлайн-сообщества, распространение опасных цифровых челленджей, а также влияние алгоритмически персонализированного контента на процесс формирования личности ребёнка. В отличие от контентных и контактных рисков источником угрозы в данном случае становится уже не отдельная информация или действия других пользователей, а особенности взаимодействия ребёнка с цифровой средой как таковой [11].

С международно-правовой точки зрения поведенческие риски знаменуют качественно новый этап развития механизмов защиты прав ребёнка. Если ранее международное право было ориентировано преимущественно на предупреждение противоправных действий конкретных субъектов, то современная цифровая среда продемонстрировала, что негативные последствия могут возникать и при отсутствии формального нарушения закона. Алгоритмы рекомендаций, технологии персонализации, игровые механизмы (gamification) и системы постоянного цифрового взаимодействия способны оказывать устойчивое влияние на развитие несовершеннолетнего, изменяя его поведение, круг общения и модели принятия решений [12].

По мнению автора, именно на данном этапе международно-правовая защита выходит за пределы традиционного понимания безопасности ребёнка. Объектом регулирования становится уже не только предотвращение отдельных нарушений прав несовершеннолетнего, но и обеспечение условий, способствующих его полноценному развитию в цифровой среде. В этой связи особое значение приобретает статья 6 Конвенции о правах ребёнка, закрепляющая право ребёнка на жизнь, выживание и

развитие, содержание которого в условиях цифровизации требует расширительного толкования с учётом влияния цифровой среды на процесс формирования личности ребёнка [13].

Таким образом, анализ поведенческих рисков свидетельствует о дальнейшем расширении предмета международно-правовой защиты. Если применительно к контентным рискам международное право регулировало информацию, а применительно к контактным рискам — поведение участников цифровых отношений, то в отношении поведенческих рисков объектом международно-правового внимания становится влияние цифровой среды на развитие ребёнка. Однако даже подобный подход не позволяет объяснить причины возникновения соответствующих угроз, поскольку они во многом предопределяются особенностями проектирования цифровых платформ и алгоритмических систем. Это обусловливает необходимость обращения к наиболее сложной категории современных угроз —структурным рискам.

Наиболее сложную группу современных цифровых угроз образуют структурные риски, обусловленные особенностями функционирования самой цифровой среды. Их принципиальное отличие заключается в том, что нарушение прав ребёнка возникает не вследствие распространения противоправной информации или неправомерного поведения отдельных пользователей, а как результат работы алгоритмов, цифровых платформ, механизмов обработки данных и систем искусственного интеллекта. Источником потенциальной угрозы становится сама архитектура цифровой среды, определяющая условия реализации прав ребёнка [14].

С международно-правовой точки зрения именно структурные риски наиболее убедительно демонстрируют ограниченность традиционной модели защиты прав ребёнка. Классическое международное право исходит из того, что нарушение прав человека обусловлено противоправным поведением государства либо иных субъектов права. Однако цифровая трансформация показывает, что существенная часть современных угроз возникает независимо от наличия противоправного поведения конкретного лица. Алгоритмическое профилирование несовершеннолетних, непрерывный сбор персональных данных, рекомендательные системы, ориентированные на максимизацию вовлечённости пользователя, а также технологии автоматизированного принятия решений способны оказывать влияние на реализацию прав ребёнка даже при формальном соблюдении требований законодательства [15].

Данное обстоятельство обусловило формирование качественно нового направления международно-правового регулирования, ориентированного не только на предупреждение нарушений прав ребёнка, но и на установление требований к проектированию цифровых сервисов. Именно в этом направлении развивается современное право Европейского союза, предусматривающее проведение оценки рисков цифровых платформ, внедрение механизмов «safety by design» и усиление ответственности поставщиков цифровых услуг за функционирование алгорит-

мических систем, затрагивающих права несовершеннолетних. Тем самым объектом международно-правового воздействия постепенно становится не только поведение участников цифровых отношений, но и архитектура цифровой среды как самостоятельный фактор реализации прав ребёнка [16].

Таким образом, анализ структурных рисков позволяет сделать вывод, что современная международно-правовая защита прав ребёнка переживает качественную трансформацию. Если первоначально международное право регулировало содержание распространяемой информации, затем — поведение участников цифровых отношений и влияние цифровой среды на развитие ребёнка, то в настоящее время происходит постепенный переход к регулированию самой цифровой инфраструктуры. Именно данная тенденция предопределяет дальнейшую эволюцию международно-правовой модели защиты прав детей в цифровую эпоху и служит отправной точкой для анализа существующих доктринальных противоречий.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что развитие цифровых технологий обусловило не только появление новых угроз правам ребёнка, но и последовательную трансформацию самого объекта международно-правовой защиты. Если первоначально международно-правовое регулирование было ориентировано преимущественно на содержание распространяемой информации и поведение отдельных субъектов, то современные цифровые технологии поставили вопрос о необходимости правового воздействия на условия функционирования цифровой среды. Тем самым цифровые риски отражают не только эволюцию форм нарушения прав ребёнка, но и изменение самой логики международно-правового регулирования.

Вместе с тем расширение объекта международно-правовой защиты сопровождается возникновением новых доктринальных противоречий. Необходимость одновременно обеспечивать безопасность ребёнка, гарантировать его участие в цифровой среде, защищать частную жизнь и обеспечивать свободное развитие цифровых технологий свидетельствует о том, что традиционные международно-правовые подходы уже не позволяют в полной мере обеспечить баланс между конкурирующими ценностями. Именно анализ указанных противоречий позволяет определить основные направления дальнейшей трансформации международно-правовой модели защиты прав детей в цифровом пространстве.

Проведённое исследование подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что цифровизация обусловила качественную трансформацию международно-правовой модели защиты прав детей. Международно-правовое регулирование постепенно распространяется не только на поведение государств, частных субъектов и пользователей цифровых технологий, но и на архитектуру цифровой среды как самостоятельный фактор реализации прав ребёнка. Именно данная тенденция, по мнению автора, будет определять дальнейшее развитие международно-правовых механизмов защиты прав детей в цифровую эпоху.

Источники и литература:

1. Committee on the Rights of the Child, General Comment No. 25 (2021) on children's rights in relation to the digital environment, CRC/C/GC/25,paras. 12–18.
2. Livingstone S, Stoilova M and Kelly A, The Classifying and Mapping of Risks in Children's Digital Lives (EU Kids Online, 2021).
3. OECD, Recommendation of the Council on Children in the Digital Environment (OECD/LEGAL/0389,2021); Committee on the Rights of the Child, General Comment No. 25, paras. 16–21.
4. UN Committee on the Rights of the Child, General Comment No. 25 (2021) on children's rights in relation to the digital environment, CRC/C/GC/25,paras. 82–87.
5. Convention on Cybercrime, arts. 9–10; Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse, arts. 18–23.
6. UN Committee on the Rights of the Child, General Comment No. 25 (2021), paras. 95–99.
7. Committee on the Rights of the Child, General Comment No. 25 (2021) on children's rights in relation to the digital environment, CRC/C/GC/25,paras. 82–90.
8. Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse, arts. 18–24.
9. General Comment No. 25, paras. 91–97; Europol, Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) (2023).
10. Regulation (EU) 2022/2065 (Digital Services Act), arts. 28, 34–35.
11. Livingstone S., Stoilova M., Kelly A. The Classifying and Mapping of Risks in Children's Digital Lives. EU Kids Online, 2021.
12. UNICEF. Policy Guidance on AI for Children. 2021; Committee on the Rights of the Child, General Comment No. 25 (2021), paras. 67–76.
13. Convention on the Rights of the Child, art. 6; Committee on the Rights of the Child, General Comment No. 25 (2021), paras. 13–18.
14. Committee on the Rights of the Child, General Comment No. 25 (2021) on children's rights in relation to the digital environment, CRC/C/GC/25,paras. 70–79.
15. Shoshana Zuboff, The Age of Surveillance Capitalism (2019); Helen Nissenbaum, Privacy in Context (2010).
16. Regulation (EU) 2022/2065 (Digital Services Act), arts. 34–35; Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act), arts. 28–38.